

*Прошин Д.В.,
кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии
Днепропетровского университета им. Альфреда Нобеля*

БОРЬБА С «ИСЛАМСКИМ ГОСУДАРСТВОМ»: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, СЦЕНАРИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье проанализирован вопрос о перспективах борьбы с т. н. «Исламским государством». С использованием опыта многочисленных гражданских войн и антитеррористических кампаний обозначены основные сценарии завершения конфликтов с участием антиправительственных вооруженных формирований. Представлены соображения относительно вероятности каждого из этих сценариев в контексте борьбы с «Исламским государством».

Ключевые слова: антиправительственные вооруженные формирования, терроризм, прекращение вооруженных конфликтов, «Исламское государство».

Вооруженные формирования, в разное время и в разном составе действовавшие под названиями «Организация единогобожия и джихада», «Аль-Каида в Ираке», «Исламское государство Ирак», «Исламское государство Ирака и Леванта», «Исламское государство» (далее везде ИГ или «халифат»), за десять с лишним лет (с 1999 г.) претерпели существенные трансформации. Из маргинальной организации ИГ превратилось в иракское ответвление «Аль-Каиды» и стало самым агрессивным участником войны в Ираке. Потеряв к 2010 г. около 80 % своего руководства, организация смогла перестроиться и вновь набрала силу, распространив влияние теперь уже и на Сирию. В Сирии же произошел разрыв между ИГ и «Аль-Каидой». Не следует преувеличивать влияние, которое к моменту разрыва руководство «Аль-Каиды» оказывало на ИГ (в особенности после смерти бин Ладена). Во всяком случае, состоявшийся разрыв имел немалое символическое значение: с этого момента ИГ действует как самостоятельный участник ближневосточных конфликтов, более того — после провозглашения в июне 2014 г. «халифата» — требует полного подчинения себе всех прочих исламистских формирований.

Захват территорий, открывший ИГ доступ к значительным материальным и человеческим ресурсам, рост идеологического влияния «халифата» и активная вербовка боевиков далеко за пределами Ближнего Востока, целенаправленное и систематическое использование варварских методов

борьбы — все это сделало феномен ИГ предметом оживленных дискуссий. Ослабление ИГ и, в конечном итоге, его ликвидация занимают важное место в повестке дня большинства ведущих стран мира. Многие исследователи задаются вопросами о том, как именно ИГ прекратит существование или как оно может трансформироваться [например: 1; 2]. При этом постоянно подчеркивается уникальность ИГ и исходящей от него угрозы [3; 4].

Однако какой бы неординарной ни была ситуация, она не является беспрецедентной. Богатая история противодействия антиправительственным вооруженным формированиям охватывает широкий спектр противников (от мелких подпольных организаций до многотысячных повстанческих «армий») и целый ряд сценариев завершения конфликтов. Опыт этих конфликтов содержит важные уроки и предостережения, которые следует учесть в противоборстве с ИГ.

Ретроспективно-сравнительный анализ неоднократно проделывался в контексте борьбы с предшественницей, а сейчас конкуренткой ИГ — «Аль-Каидой» [5; 6]. Имеются также сравнительные исследования, посвященные другим вооруженным формированиям, которые, подобно ИГ, пытались создать квазигосударственные структуры на подконтрольных им территориях [например: 7]. Применение такого анализа к феномену ИГ очевидным образом запоздало. Как правило, ИГ рассматривают в отрыве от иных — даже аналогичных ему — формирований или сравнивают его «Аль-Каидой» и некоторыми другими исламистскими группировками, акцентируя значительные различия между ними [например: 8]. Эти сравнения бесполезны, так как позволяют заметить и проанализировать изменения, происходящие в стратегии и тактике джихадистов. Вместе с тем, будучи столь узкими, они ограничивают круг рассматриваемых сценариев, достижений и неудач. Что еще важнее, все исламистские вооруженные формирования, с которыми сравнивают ИГ, являются боеспособными участниками текущих конфликтов. Ни один из этих случаев не служит примером заверченного противостояния, что неизбежно вносит в рассуждения значительную долю неопределенности. Между тем со вступлением борьбы с ИГ в новую фазу потребность в

как можно более четких прогнозах будет только возрастать. Отказ от попыток представить ИГ как уникальный феномен и обращение к опыту противодействия другим вооруженным формированиям способны хотя бы частично удовлетворить эту потребность.

В данной статье решены следующие задачи. Во-первых, в ней обозначены ранее наблюдавшиеся сценарии завершения конфликтов между правительствами и вооруженной оппозицией. Во-вторых, дана общая характеристика ИГ. На этом основании, в-третьих, рассмотрен вопрос о том, насколько те или иные сценарии возможны в противодействии ИГ, и обозначен наиболее вероятный в обозримом будущем результат борьбы.

Многочисленные примеры того, как завершались конфликты с участием антиправительственных формирований, укладываются в рамки четырех сценариев: 1) победа антиправительственных сил; 2) добровольное разоружение антиправительственных формирований и их дальнейшая трансформация в легальные политические организации; 3) самороспуск антиправительственных формирований; 4) победа правительства.

Под *победой антиправительственных сил* подразумевается достижение ими своих стратегических целей (полная смена правительственного курса; захват власти; территориальное отделение и провозглашение независимости нового государства). Тактические успехи, какими бы значительными они ни были (привлечение внимания к требованиям вооруженной оппозиции; обеспечение временных или частичных уступок со стороны правительства и пр.), в качестве победы не рассматриваются.

Добровольное разоружение антиправительственных формирований и их дальнейшая трансформация в легальные политические организации — это сценарий, возможный в тех случаях, когда оппозиция, хотя и существенно ослабленная, еще сохраняет определенный «капитал» (вооруженную силу, политическое влияние), достаточный для того, чтобы, пока позволяет ситуация, выторговать для себя относительно выгодные условия прекращения борьбы. Обязательным условием реализации данного сценария является существование почвы для диалога между противоборствующими сторонами. Преследуемые оппозицией цели должны быть достаточно реалистичными, чтобы позволить ей реинтегрироваться в политическую систему. Правительство, со своей стороны, должно находить определенную выгоду в сближении с бывшим противником и обладать гибкостью, необходимой для того, чтобы согласиться не только на переговоры о мирном разоружении оппозиции, но и на то, чтобы в даль-

нейшем иметь с ней дело уже как с легальной политической силой. Как частный случай здесь может рассматриваться включение лидеров бывшей вооруженной оппозиции в правящие структуры (наиболее вероятно в рамках завершения этнического конфликта).

Под *самороспуском антиправительственных формирований* подразумевается их естественная дезинтеграция, вызванная неблагоприятными внешними и внутренними процессами (нажим со стороны правительства; утрата поддержки со стороны населения или ее изначально низкий уровень; прекращение помощи, поступавшей от третьей стороны и пр.). Несмотря на оказываемое правительством давление, самороспуск по определению происходит при сохранении оппозицией некоторой свободы выбора. Многие из ее лидеров и рядовых членов могут быть ликвидированы, арестованы или вынуждены скрываться. Но при этом решение о прекращении борьбы остающиеся на свободе оппозиционеры принимают добровольно и сравнительно организованно — в надежде скрыться и избежать наказания или рассчитывая на снисхождение властей. В рамках данного сценария возможно даже сохранение бывшими боевиками некоторой свободы для оппозиционной деятельности (публикации, выступления и пр.) — хотя и в гораздо меньшей степени, чем в предшествующем случае.

Наконец, *победа правительственных сил* представляет собой решительную и полную деструкцию вооруженной оппозиции с лишением ее способности оказывать в дальнейшем серьезное организованное сопротивление и политическое влияние. Постконфликтная траектория событий здесь определяется односторонними решениями победившей стороны и, как правило, выстраивается крайне неблагоприятно для проигравших (преследование, ограничение в правах и пр.).

Обозначив — лишь чисто гипотетически — вероятные исходы конфликта, теперь нужно остановиться на характеристике самого ИГ. Многие исследователи и политические деятели говорят о его уникальности. Хотя это не так, ИГ, безусловно, — неординарный и весьма опасный феномен. Попытки спрогнозировать результаты борьбы с ним требуют ясного понимания его особенностей, его сильных и слабых сторон.

Первой и главной из особенностей ИГ является *установление контроля над территорией и создание на ней квазигосударственных структур*. ИГ — отнюдь не единственное антиправительственное формирование, сумевшее сделать это, однако значительные масштабы и ресурсы возникшего в Ираке и Сирии квазигосударства отличают его даже от таких образований,

как «государство» тамильских сепаратистов на Шри-Ланке или контролируемый ХАМАС Сектор Газа. Поскольку ситуация в зоне конфликта постоянно меняется, трудно назвать точные цифры, но в середине 2016 г. ИГ контролировало более 70 тыс. кв. км в Ираке и Сирии, населенные примерно 8 млн. чел. [9, с. 4]. (К этому следует добавить попытки ИГ закрепиться в Ливии.)

Установление контроля над значительной территорией доставило ИГ немало ощутимых выгод. Захват обширных земель принес ИГ богатые трофеи (оружие, боеприпасы, горючее, банковские резервы и пр.). Что намного существеннее, территориальная экспансия открыла ИГ доступ к природным ресурсам подконтрольных районов (прежде всего, к запасам нефти, доходы от продажи которой в 2015 г. составляли четверть поступлений в казну ИГ [9, с. 7]). Кроме того, ИГ контролирует многочисленное население захваченных территорий, облагая его налогами и подвергая его разного рода вымогательствам (около трети поступлений в казну ИГ в 2015 г. [9, с. 7]). Иными словами, благодаря захвату густонаселенных и богатых природными запасами территорий ИГ достигло практически полного финансового самообеспечения.

Помимо материальных выгод контроль над территорией обеспечивает ИГ относительно безопасным пространством для организации, тренировки и пополнения своих сил.

«Физическое воплощение халифата» [10] на территории Ирака и Сирии также стало важнейшим стимулом для привлечения новых сторонников, союзников и иностранных боевиков, желающих воевать на стороне ИГ. Иностранцы участвовали и участвуют во многих конфликтах как в мусульманских, так и в других странах. Но численность иностранных граждан, примкнувших к ИГ, носит рекордный характер. По словам экспертов из Center for American Progress, провозглашение «халифата» «превратило приток иностранных боевиков в Сирию и Ирак в наводнение» [11, с. 19]. По оценке тех же экспертов, в начале 2016 г. за ИГ сражалось от 27 до 31 тыс. иностранцев из более чем 80 стран [11, с. 1]. Кроме того, на верность «халифу Ибрагиму» (т. е. главарю ИГ Абу Бакру аль-Багдади) присягнули боевики в Египте («Вилаят Синай»), России («Вилаят Кавказ»), в Нигерии (группировка «Боко харам») и пр.

Вторая особенность ИГ и сопряженных с ним проблем заключается в том, что оно действует — по крайней мере, в Сирии — *в условиях практически полного военно-политического хаоса*. Борьба с ИГ не является четко очерченным двусторонним конфликтом, аналогичным,

к примеру, гражданской войне на Шри-Ланке, в ходе которой «Тиграм освобождения Тамил-Илама» противодействовали хорошо организованные силы центрального правительства (сумевшие в конечном итоге полностью разгромить противника). Аналогом борьбы с ИГ служит затяжной многосторонний конфликт в соседнем Ливане в 1970-90-х гг. ИГ противостоят сирийское и иракское правительства, иностранные державы, местные и иностранные вооруженные формирования. Даже взятые в отдельности, многие из этих противников несоизмеримо сильнее ИГ, но их действия не скоординированы и нередко взаимно нейтрализуются, более того — взаимно враждебны. Решение проблемы ИГ — во всяком случае, в рамках сирийского конфликта — требует одновременных ответов на другие ключевые вопросы (прежде всего, о судьбе режима Б. Асада), по которым основные противники ИГ занимают противоположные позиции. В результате ИГ, многократно уступающему в силе своим противникам, до настоящего момента удается избегать фатального столкновения с монолитной коалицией.

Третья особенность ИГ — *крайняя упрощенность и агрессивность его «послания», адресованного потенциальным сторонникам*. Разумеется, все антиправительственные формирования распространяют призывы к уничтожению врагов и регулярно и планомерно совершают акты насилия, направленные не только против вооруженных противников, но и против мирных граждан. Но это, как правило, прикрывается сравнительно сложными рассуждениями о классовой борьбе, интересах нации или религиозном долге. По словам авторитетного американского эксперта О. Кроин, ИГ отличает то, что его вербовщики, помимо «сухих» религиозных догм, широко используют темы силы, власти над врагом и вседозволенности [8]. При этом уже существующий «халифат», подчинивший себе миллионы людей и ведущий войну с «неверными», предоставляет новобранцам широкое поле для реализации обещанных им возможностей, что подтверждается непрерывным потоком новостей о карательных акциях ИГ, жестокость которых нетипична даже для одиозных террористических организаций. Такие обещания и призывы особенно соблазнительны для молодых и не удовлетворенных своим положением мусульман. Противодействие пропаганде, играющей на элементарных потребностях подобной аудитории, представляет собой весьма сложную задачу.

Тем более что — и это четвертая особенность — в отличие от многих других вооруженных формирований ИГ *располагает собственными мощными каналами распространения информации* (включая высококачественные онлайн-издания) и

способно само, не опасаясь цензуры неподконтрольных СМИ, определять содержание и форму своих пропагандистских посланий.

Наконец, пятая особенность — *гораздо более выгодные позиции в Европе*, чем те, которые смогли ранее занять другие иностранные вооруженные формирования («Аль-Каида», алжирская «Исламская вооруженная группа» и пр.). В значительно большей степени, чем кто бы то ни было, ИГ использует европейских мусульман не только в боях в Ираке и Сирии, но и при подготовке терактов в самой Европе. (По данным на начало 2016 г., к ИГ примкнуло более 3 тыс. европейских граждан [11, с. 8, 10].) Достижение обеих целей обеспечивается созданной за несколько лет сетью вербовки и переброски боевиков на Ближний Восток. Одни и те же каналы использовались — практически беспрепятственно до совсем недавнего времени — как для переброски новобранцев на Ближний Восток, так и для возвращения в Европу уже опытных боевиков. Не имея столь значительной вербовочной базы, «Аль-Каида» нередко была вынуждена полагаться на выходцев с Ближнего Востока, пытавшихся получить визы для въезда в страны Европы или в США, что влекло за собой неизбежные трудности и риски. В свою очередь, завербованные ИГ выходцы из Европы перемещаются с большей легкостью. Они свободно ориентируются в своих странах и, как правило, имеют тесные связи с преступными элементами в среде диаспоры. Все это ощутимо повышает эффективность их действий и, следовательно, опасность, которую они представляют.

Однако рассмотренные особенности являются источником как силы ИГ, так и его уязвимости. Эти уязвимые места, разумеется, также должны быть учтены.

Контроль над территорией и провозглашение «халифата» принесли ИГ немалые экономические, военные и идеологические выгоды. Вместе с тем создание квазигосударства поставило перед ИГ задачи, которые могут оказаться непосильными для него. Прежде всего, в отличие от подпольных организаций или формирований партизанского типа, базирующихся в труднодоступных местах, «халифат», на пике своей экспансии сравнявшийся по площади с Ирландией (без учета незначительных ливийских захватов), представляет собой *предельно четкую цель для проведения силовых операций*. Прочная привязка к территории не грозила бы серьезными последствиями, если бы она отражала изменение баланса сил в пользу антиправительственного формирования, его устойчивую наступательную динамику. Однако ИГ не только не наступает, но и теряет ранее захваченные земли. Территория «халифата»

сжимается, делая его «регулярные силы» и легко локализуемую транспортную и экономическую инфраструктуру еще уязвимее.

Одновременно ИГ должно *поддерживать внутренний порядок и удовлетворять потребности своих «подданных»*. Это требует своей части ресурсов в то время, как возможности ИГ неуклонно сокращаются. Даже сведя заботу о населении к минимуму, руководство «халифата» не в состоянии полностью игнорировать его. В противном случае ИГ лишится последней видимости лояльности своих «подданных», столкнется с беспорядками, подавление которых также потребует сил и ресурсов, и, что важнее всего, подорвет свою финансовую основу. Налоги, штрафы и прямое вымогательство в 2015 г. приносили третью часть доходов ИГ. Доведенное до полной нищеты население уже не сможет играть роль важнейшего донора. Кроме того, беспорядки грозят перебоями в добыче нефти или полной ее остановкой. Каковы бы ни были перспективы ИГ, очевидно, что захват территорий не только открыл перед «халифатом» ряд возможностей, но и обременил его трудновыполнимыми «социальными обязательствами».

Наконец, потеря территорий грозит ИГ *утратой значительной доли пропагандистского потенциала*, обеспечившего массовый приток иностранных добровольцев. Военные неудачи и сопровождающее их падение платежеспособности ИГ сами по себе могут остановить многих потенциальных боевиков. Но при этом особое значение будет иметь и психологический эффект от деградации «халифата». Уменьшение или распад «халифата» могут дать многим вероятным сторонникам повод усомниться в «избранности» его лидеров и «благословенности» начатой ими борьбы.

Отсутствие единства среди противников, с одной стороны, до сегодняшнего дня спасает ИГ от безнадёжного противостояния со сплоченной вражеской коалицией. С другой стороны, *уже само количество врагов, пусть и действующих несогласованно, ставит ИГ перед серьезным вызовом*. Его главные силы в Ираке и Сирии вынуждены одновременно вести бои на нескольких направлениях, разделенных многими сотнями километров. Около пятисот боевиков ИГ с трудом удерживают небольшой и уже практически бесполезный плацдарм в Ливии [12]. В число противников ИГ входят даже те, кто мог бы рассматриваться как наиболее вероятный потенциальный союзник «халифата» — группировка «Джебхат Фатх аш-Шам» (до недавнего времени — сирийское ответвление «Аль-Каиды» «Джебхат аль-Нусра»). Только в междоусобице с другими исламистами

ИГ с 2014 г. потеряло несколько тысяч боевиков [13]. При этом «вассалы», подобные «Боко харам», не способны прийти на помощь главным силам «халифата». Принесенные ими клятвы верности могли удовлетворять пропагандистские амбиции ИГ, но полностью лишены смысла в контексте боев в Ираке и Сирии.

Мощный пропагандистский аппарат способствовал притоку в «вооруженные силы» ИГ добровольцев из десятков стран. Однако крайняя агрессивность распространяемых ИГ посланий одновременно *дискредитировала его в глазах миллионов мусульман* и побудила даже радикально настроенных мусульманских богословов осудить действия ИГ как нарушение норм ислама [14]. Безусловно, не пропаганда сама по себе, а определенная идеология лежит в основе шокирующей жестокости ИГ. Вместе с тем в целом ряде печально известных случаев именно желание произвести максимальный пропагандистский эффект было непосредственным мотивом показательных экзекуций, сделавших название ИГ синонимом изуверства. Более того, сцены показательных казней американских и европейских граждан, периодически появляющиеся в СМИ и в Интернете, *побуждают страны Запада нарастить давление на ИГ*, выдерживать которое «халифату» становится все труднее.

Само присутствие среди боевиков ИГ иностранных граждан также чревато серьезными проблемами. Факты свидетельствуют о конфликтах в структурах ИГ между иностранцами и боевиками местного происхождения (кроме того, наблюдаются трения между выходцами из Ирака и Сирии). Привилегированное положение многих иностранцев (прежде всего, американцев и европейцев) не могло не вызвать недовольства со стороны примкнувших к ИГ местных жителей. После того, как иностранцы неоднократно показали свою ненадежность на поле боя, недовольство вылилось в попытки оттеснить их с руководящих позиций. Развернувшаяся борьба совпала с сокращением финансовых ресурсов ИГ, грозящим урезанием щедрого вознаграждения, ранее выплачивавшегося иностранным боевикам. По словам обозревателей журнала *Foreign Affairs*, поскольку ИГ уже «не так богато и сильно, как прежде, оно не способно купить верность [любого боевика]» [15]. ИГ уже ослаблено борьбой с «Джебхат Фатх аш-Шам». Иностранные боевики, о массовом привлечении которых часто говорили как о крупном успехе ИГ, лишившись своих привилегий, могут начать еще одну междоусобицу теперь уже в самом «халифате».

Каким может быть исход борьбы с квазигосударством, имеющим такие сильные и слабые стороны?

Первый из вышеуказанных сценариев — *победа антиправительственных сил* — в случае ИГ нереален. Несмотря на множество косвенных сигналов и обилие пропагандистской риторики, вопрос о стратегической цели ИГ, остается сложным. Если считать таковой создание салафитского государства, не только охватывающего земли Ирака и Сирии, но и выходящего за пределы первоначального «ядра», то ее достижение с имеющимися у ИГ силами и перед лицом противостоящих ему врагов невозможно.

Примеры побед антиправительственных сил (Кипр, 1959 г., Куба, 1959 г., Алжир, 1962 г., Вьетнам, 1975 г., Афганистан, 1992 г. и пр.) показывают, что такой исход осуществляется, когда оппозицией достигнут решительный перевес на поле боя; правительственные силы деморализованы; правительственный лагерь расколот и происходит коллапс государственного аппарата; правительством утрачена поддержка со стороны сильного внешнего союзника; оппозицией, напротив, получена мощная внешняя поддержка; продолжение конфликта становится неприемлемым для правительства (потери; растущие расходы на продолжение конфликта; давление со стороны общественности); конфликт при всей своей остроте не затрагивает жизненно важных интересов государства, что позволяет правительственной стороне сравнительно безболезненно снять с себя бремя противостояния (эти факторы могут образовывать различные комбинации, прежде всего в зависимости от природы и формата конфликта: гражданская война, колониальный конфликт; партизанская война, террористическая кампания и т. д.). Наконец, все примеры победы антиправительственных сил — какими бы ни были их долгосрочные последствия — связаны с достижением сравнительно узких, локальных целей (смена политического режима в отдельной стране; провозглашение независимости нового государства).

Некоторые из перечисленных факторов или их аналоги могут проявиться в ходе дальнейшей борьбы с ИГ (углубление разногласий между противниками; окончательный распад и свержение правительства Асада; «усталость» иностранных противников ИГ и переориентация их внешней политики). Но если нечто подобное и случится, это не приведет к кардинальным изменениям в пользу ИГ. Оно миновало пик своей силы и клонится к упадку. После стремительного расширения границ в 2014 г. оно увязло в многосторонних конфликтах в Ираке и Сирии, любое переформатирование которых (выбывание одного или нескольких участников) все равно оставит ИГ перед лицом серьезных противников, уже показавших, что они способны остановить его экспансию.

Противостоящий ИГ «коллективный противник» — конгломерат разнонаправленных или открыто враждебных друг другу сил — до настоящего времени действует нескоординированно, чем продлевает существование «халифата». Вместе такого противника нельзя ослабить одномоментно и системно. К тому же ослабление или выпадение одного из сегментов действующего против ИГ конгломерата, приведет к перегруппировке и усилению других сегментов.

Так, гипотетическое падение режима Асада (место которого — также гипотетически — займет правительство, опирающееся на поддержку Запада), не будет означать для ИГ того стратегического успеха, каким явилось для кубинского «Движения 26 июля» падение режима Ф. Батисты. Выход из конфликта одной из больших внешних сил (США, Европа; Россия; Иран) не будет означать для ИГ того же, что означал для Вьетконга уход США из Вьетнама или для моджахедов — уход СССР из Афганистана. Даже если нечто подобное произойдет, оставшиеся участники, вероятно, с удвоенной энергией продолжат свои усилия по противодействию ИГ. Более того, уже одно нежелание оставлять стратегически важный регион соперникам способно стать причиной, заставляющей всех иностранных участников конфликта сохранять там свое присутствие, несмотря на серьезные издержки. Важно помнить и о том, что в отличие от антиправительственных группировок, достигших победы, ИГ поставило целью не локальные политические изменения, а пересмотр status quo в целом регионе. Поэтому число активно противодействующих ему держав может увеличиться как минимум за счет Израиля, Иордании и Египта.

Истории известны примеры побед, достигнутых коалициями антиправительственных формирований, каждое из которых в отдельности было слабее правительственных войск (свержение режима М. Наджибуллы объединенной афганской оппозицией в 1992 г.), или побед над разрозненными правящими коалициями, одержанных набирающими силу повстанцами (приход к власти «Талибана» в 1996 г.). Однако в случае ИГ силы распределены иначе: слабеющая сторона в одиночку противостоит нескольким превосходящим ее противникам.

Здесь следует коснуться периодически появляющихся сообщений о том, что «умеренная» оппозиция, «Джебхат Фатх аш-Шам» и ИГ в некоторых районах объединяют свои усилия в противодействии войскам сирийского правительства. Во-первых, эти сообщения противоречивы и нередко поступают из сомнительных источников [например: 16]. Во-вторых, даже принимая такую

версию, нельзя не видеть, что речь идет о ситуативных соглашениях (например, в осажденном Алеппо), а не об устойчивом союзе. В-третьих, развивая эту тему, нельзя забывать о том, что любой стратегический союз с ИГ лишит «умеренную» оппозицию западной поддержки и критически ослабит ее. Такое партнерство не приблизит ИГ к победе.

Из предпосылок следующего сценария — *разоружение антиправительственных сил и их возвращение в легальную политику* — налицо только заметное ослабление «халифата» при сохранении им сил и ресурсов, достаточных для продолжения борьбы и — чисто гипотетически — торга с противниками. Но вызывает сомнения наличие политической почвы для такого торга.

Британский политик и дипломат Дж. Пауэлл, сыгравший важную роль в подготовке Белфастского соглашения 1998 г., считает возможным сочетание силового давления на ИГ с открытием каналов для обсуждения условий прекращения конфликта [17]. Пауэлл указывает на то, что именно такой сценарий был успешно осуществлен в отношении Ирландской республиканской армии. Пауэлл полагает, что нажим на ИГ и осознание бесперспективности дальнейшей борьбы могут заставить кого-то в руководстве «халифата» пойти на уступки и, отказавшись от попыток воссоздания «праведного халифата» и от джихада, ограничиться вопросами политических прав и безопасности суннитского населения Ирака и Сирии. Несмотря на изуверство ИГ, Пауэлл допускает вероятность активизации в верхушке «халифата» неких умеренных элементов из числа бывших функционеров партии «Баас» или офицеров вооруженных сил и спецслужб саддамовского Ирака, примкнувших к ИГ по причине притеснения суннитов после свержения С. Хусейна, но не являющихся религиозными фанатиками.

Однако параллели, проводимые Пауэллом, далеко не бесспорны. Даже если само по себе присутствие умеренных оппортунистов в руководстве «халифата» возможно, насколько сильным будет их влияние? В ходе переговоров о будущем Северной Ирландии каждая из сторон была достаточно влиятельной в своем лагере для того, чтобы обеспечить выполнение принятых решений (тем не менее на разоружение всех неправительственных группировок ушло около десяти лет). Аналогичной была ситуация в Колумбии, где в 1990 г. разоружилась и легализовалась партизанская группировка «Движение 19 апреля» («М-19»). Эти процессы проходили под руководством признанного лидера «М-19» К. Писарро (который после трансформации партизанской группировки в легальную партию принял участие в президентских выборах).

Весьма сомнительно, что умеренные элементы — если они найдутся в рядах ИГ и сформируют некую переговороспособную политическую силу — обеспечат управляемый выход из конфликта. Их шаги натолкнутся на сопротивление со стороны индоктринированных радикалов и просто беспринципных головорезов, привлеченных пропагандой ИГ и не заинтересованных в прекращении кровопролития. Наиболее вероятным исходом здесь выглядит междоусобица в самом ИГ, на фоне которой любые переговоры и обещания будут мало стоить.

Более того, остается открытым и вопрос о том, сможет ли уже противоположная сторона гипотетических переговоров с ИГ обеспечить исполнение принятых на себя обязательств по защите интересов иракских и сирийских суннитов. И в Северной Ирландии, и в Колумбии вооруженной оппозиции противостояли устойчивые центральные правительства. ИГ имеет дело с разнородным конгломератом противников, многие из которых в принципе отвергают какие бы то ни было компромиссы с ИГ — не говоря уже о сотрудничестве с неким его легальным политическим преемником. Таким образом, и по эту сторону водораздела идея гипотетических переговоров с «обновленным ИГ» изначально оказывается в центре узла трудноразрешимых противоречий.

Так или иначе, до настоящего времени ни одна из сторон конфликта не проявила ни малейшей готовности к поиску компромисса, а приход к власти Д. Трампа, сделавшего уничтожение ИГ одним из своих внешнеполитических приоритетов, способен на годы или навсегда положить конец спекуляциям о переговорах с «халифатом» и его «трансформации».

Опыт показывает, что переговоры и компромиссы могут быть компонентом и другого сценария — *самороспуска антиправительственных формирований*. За столом переговоров или в одностороннем порядке правительство предлагает критически ослабленной, зашедшей в тупик вооруженной оппозиции амнистию (сравнительно мягкие наказания) в обмен на прекращение сопротивления. В сочетании с неослабевающим давлением открывающиеся возможности для сравнительно безболезненного выхода из тупика подталкивают многих боевиков к тому, чтобы сдаться. Это ускоряет общую деградацию антиправительственной группировки, признание ею поражения и ее самороспуск. (Примером такого «растворения» служат итальянские «Красные бригады».)

Но является ли такой ход событий реалистичным сценарием применительно к ИГ? Самороспуск антиправительственного формирования, помимо всего прочего, предполагает наличие стабиль-

ной среды, в которую могут вернуться боевики и которая позволит им реинтегрироваться. Даже если допустить, что в сравнительно скором времени ИГ достигнет критической отметки в своем ослаблении, его боевикам нелегко будет получить шанс на возвращение к нормальной жизни. В условиях продолжающегося в Сирии конфликта трудно говорить о гарантиях амнистии, о социальной реабилитации и пр. Возможно, ситуация в Ираке несколько стабильнее, но при сохранении враждебности между иракскими суннитами и шиитами допустимо предположить, что и иракские боевики ИГ не увидят перед собой обнадеживающих перспектив.

Члены разваливающихся вооруженных группировок могут рассчитывать просто скрыться от наказания, но и такие попытки крайне затруднительны в условиях «войны всех против всех». Вчерашние «воины джихада», пытающиеся смешаться с мирным населением, рискуют испытать все лишения, которые конфликт принес рядовым гражданам. Следует учесть и то, что многие из боевиков ИГ — иностранцы, которым «возвращение к нормальной жизни» на родине грозит тюремным заключением. Наконец, следует также учесть и масштаб ИГ. Маловероятно, что его многотысячные отряды могут «раствориться» подобно подпольной группускуле, насчитывающей несколько десятков членов.

Если вести речь о некоем «растворении» ИГ, то оно, скорее всего, выльется в появление на месте его «регулярных» подразделений многочисленных банд, продолжающих, как и ИГ, паразитировать на местном населении, но подвижных уже не салафитской идеологией, а инстинктом самосохранения. Некоторые из этих банд могут примкнуть к другим антиправительственным формированиям (в первую очередь, в Сирии), тем самым подпитывая общую напряженность.

Наиболее вероятным исходом борьбы с ИГ в настоящее время кажется его разгром. Непрерывающиеся воздушные и наземные удары привели к большим потерям в рядах боевиков и значительному сокращению территории «халифата». Продолжается наступление на его главные политические центры — Мосул в Ираке и Эр-Ракку в Сирии. Основательно расстроена экономическая база ИГ.

Вместе с тем разгром «халифата» отнюдь не сулит быстрого, а тем более автоматического устранения сопряженной с ним угрозы — иными словами, не сулит быстрой *победы*.

Во-первых, следует понимать, что, несмотря на достигнутые противниками ИГ успехи и их значительное техническое и численное превосходство, сам разгром «халифата» еще не является

вопросом ближайшей перспективы. ИГ не уникально как крупная вооруженная структура, контролирующая значительную территорию, и все же нанести ему сокрушительное поражение будет во многом сложнее, чем другим подобным формированиям. Степень самодостаточности «халифата», а следовательно, и его устойчивости к внешнему военному и экономическому давлению весьма высока даже в сравнении с такими мощными группировками, как «Тигры освобождения Тамил-Илама». (Доля финансовой помощи из-за рубежа в бюджете «Тигров» составляла около 60 %, тогда как в случае ИГ этот показатель равен лишь 2 % [9, с. 7; 18].) Точные данные о численном составе «вооруженных сил» «халифата» недоступны, но уже порядковые оценки (колеблющиеся, как правило, на уровне нескольких десятков тысяч [19]) свидетельствуют о значительном масштабе (умноженном на многолетний боевой опыт и хорошо подготовленные укрепления в главных городах «халифата»). Потребуется еще немало усилий, чтобы критически ослабить ИГ, лишить его способности организованно сопротивляться и восстанавливать силы.

Во-вторых, нужно видеть разницу между *разгромом* вооруженной оппозиции и *победой* правительственных сил. Разгромленная (т. е. понесшая тяжелые потери, дезорганизованная) сторона может прекратить сопротивление, но, сохранив некоторые ресурсы, может и перевести конфликт в качественно иное русло (к примеру, от полномасштабного вооруженного противостояния перейти к тактике террористических атак). Лишь после того, как правительству удастся тем или иным способом решить проблему «реликтового насилия», можно говорить о завершении конфликта и о конкретном сценарии его финала.

Победный сценарий — помимо физической деструкции оппозиционных сил — предполагает наличие (восстановление) всестороннего правительственного контроля в очаге конфликта. Такая потребность менее остра в случае борьбы с небольшими вооруженными группами, действующими в подполье и не способными дестабилизировать, а тем более подчинить себе целые регионы. Подобные группы создают лишь эпизодические помехи нормальному функционированию политической системы. Но окончательная победа над вооруженным формированием, захватившим значительную территорию, выдвигает проблему восстановления правительственного контроля на передний план. Разгром созданных вооруженной оппозицией квазигосударственных структур создает вакуум, который должен быть безотлагательно заполнен правительством. Опыт прежних конфликтов (например, гражданской войны на

Шри-Ланке) показывает, что проблема нередко решается с грубыми нарушениями прав человека, что, в свою очередь, порождает серьезные вопросы [20]. Но, так или иначе, конфликт нельзя считать победно завершенным, если по достижении военного успеха, правительство лишь эпизодически осуществляет контроль на отвоеванной территории.

Очевидным образом, установление такого контроля на территориях, освобождаемых от власти ИГ, представляет собой сложнейшую задачу. Противостояние «халифату» является единственным общим интересом для некоторых его врагов. Многие очищаемые области находятся в центре давних этнических конфликтов, лишь поверхностно замороженных на время борьбы с ИГ. По мере отступления халифата старые противники, ставшие невольными союзниками (в первую очередь правительство Ирака и курды), вновь обращаются к разделяющим их территориальным спорам [21]. Не менее болезненным остается вопрос о судьбе режима Асада и о будущем Сирии, разделяющий страны Запада, «умеренную» сирийскую оппозицию, Турцию и курдов, с одной стороны, и (помимо дамасского правительства) Россию, Иран и поддерживаемую Ираном группировку «Хезболла» — с другой. На таком калейдоскопическом фоне перспектива быстрого и эффективного заполнения вакуума власти, который образуется в случае разгрома ИГ, представляется едва ли не иллюзорной. (Некоторые эксперты рассуждают (возможно, небезосновательно) о том, что разгром «халифата» неосуществим без наземного вторжения сил Запада [22]. Но и в том случае, если западные страны — прежде всего, США — решатся направить в Ирак и Сирию крупный сухопутный контингент, маловероятно, что перед ним будет поставлена и задача последующего восстановления порядка — в первую очередь, из-за сомнительной способности иностранных военных эту задачу выполнить.)

В данных условиях более вероятным продолжением военного разгрома ИГ видятся накаливание старых и возникновение новых линий противостояния; появление новых альянсов в рамках уже переформатированного конфликта; многочисленные самосудные расправы со стороны местного населения над бывшими боевиками ИГ и множась на этой почве столкновения между представителями суннитских и шиитских общин. Разгром основных сил «халифата», не закрепленный установлением эффективного контроля на формально освобожденных территориях, может оставить после себя чрезвычайно опасные группы-осколки (действующие самостоятельно или ищущие союзников), практически единственной целью которых окажется инстинктивное продолжение кровопро-

лития как единственной питательной среды для их существования. Даже с учетом боевых потерь, прекращения притока иностранных добровольцев и дезертирства на этапе разгрома ИГ эти группы будут достаточно многочисленными. Пути для массового бегства могут быть отрезаны. Некоторые из боевиков (в частности, те, чьи преступления зафиксированы в пропагандистских материалах «халифата») вынужденно останутся в серой зоне на территории Ирака и Сирии. Сокращение численности и возможностей, отсутствие реальных перспектив и ставка на продолжение конфликта ради конфликта будут толкать эти пережившие разгром «халифата» группировки к использованию самых грубых методов. Военные неудачи уже заставили ИГ резко увеличить число террористических атак в тылу своих противников [23]. Незавершенная деструкция «халифата» углубит эту тенденцию (весьма вероятно, с участием иностранных боевиков, действующих в своих странах — как в мусульманском мире, так и на Западе).

Вышесказанное не дает оснований для оптимизма. Рассмотрение текущей ситуации в Ираке и Сирии с позиций уже накопленного опыта показывает, что ни один из четырех основных сценариев завершения подобного конфликта в сложившихся условиях не осуществится (не осуществится в полной мере). Нереальными представляются *победа ИГ и его трансформация в легальную политическую партию*. Более того, гипотетические попытки трансформировать ИГ изнутри, усилиями неких умеренных элементов в его руководстве, практически гарантированно вызовут в «халифате» междоусобицу с непредсказуемыми последствиями. Наиболее вероятным видится сочетание элементов двух других сценариев (*самороспуска ИГ и победы над ним*), но при этом сочетание весьма неудачное для противников ИГ. Военные неудачи, утрата ключевых позиций и источников ресурсов могут привести к дезинтеграции «халифата». Но велика опасность того, что на его месте, в серых зонах, оспариваемых друг у друга бывшими союзниками, возникнут очаги бандитского и террористического насилия. ИГ возникло на почве, уже подготовленной многолетними иракским и сирийским конфликтами, и полное устранение (или критическое ослабление) его как фактора региональной и международной нестабильности возможно лишь при условии разрешения этих конфликтов и восстановления (создания) в их зоне эффективных властных структур. В противном случае, даже в ослабленном и дезинтегрированном состоянии, мутируя и приспособляясь, ИГ или его преемники останутся опасными участниками одного из самых затяжных и кровопролитных конфликтов в новейшей истории.

Литература:

1. Hoffman B. The Coming ISIS — al Qaeda Merger [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2016-03-29/coming-isis-al-qaeda-merger>
2. Juergensmeyer M. How ISIS Will End [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.thecairreview.com/essays/how-isis-will-end/>
3. U.S. Grand Strategy: Al-Qaeda and ISIS: Existential Threat to the U.S. and Europe. — Washington: Institute for the Study of War, 2016. — 38 p.
4. Kerry: ISIS Poses “threat to the entire world” [Electronic resource]. — Access mode: <http://thehill.com/policy/international/218999-kerry-isis-poses-threat-to-the-entire-world>
5. Cronin A. How al-Qaida Ends / A. Cronin // International Security. — Summer 2006. — p. 7-48.
6. Jones S., Libicki M. How Terrorist Groups End / S. Jones, M. Libicki. — RAND, 2008. — 225 p.
7. Connable B., Libicki M. How Insurgencies End / B. Connable, M. Libicki. — RAND, 2010. — 244 p.
8. Cronin A. ISIS is Not a Terrorist Group [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/isis-not-terrorist-group>
9. ISIS Financing. — Paris: Center for the Analysis of Terrorism, 2016. — 31 p.
10. U.S. Grand Strategy: Jabhat al Nusra and ISIS: Sources of Strength. — Washington: Institute for the Study of War, 2016. — 32 p.
11. The Flow of Foreign Fighters to the Islamic State. — Washington: Center for American Progress, 2016. — 24 p.
12. Wehrey F. Libyans Are Winning the Battle Against the Islamic State [Electronic resource]. — Access mode: <http://foreignpolicy.com/2016/06/30/libyans-are-winning-the-battle-against-the-islamic-state/>
13. Byman D., Shapiro J. Homeward Bound? [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2014-10-01/homeward-bound>
14. Magid A. ISIS Meets its Match? [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.foreignaffairs.com/articles/jordan/2016-02-17/isis-meets-its-match>
15. Mironova V., Hussein M. The Downfall of ISIS [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2016-09-26/downfall-isis>
16. ISIS and US-Backed “Moderate” Rebels Join Forces, Attack Syrian Army in Southeastern Aleppo [Electronic resource]. — Access mode: <http://russia-insider.com/en/politics/isis-and-us-backed-moderate-rebels-join-forces-attack-syrian-army-aleppo/ri12990>
17. Powell J. Negotiate With ISIS [Electronic resource]. — Access mode: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2015/12/negotiate-with-isis/419157/>
18. Layton P. How Sri Lanka Won the War [Electronic resource]. — Access mode: <http://thediplomat.com/2015/04/how-sri-lanka-won-the-war/>
19. The ISIS Militants, How Many Are They? [Electronic resource]. — Access mode: <https://southfront.org/the-isis-militants-how-many-are-they/>
20. Прошин Д. В. Неліберальна демократія та надмірна сила в протидії тероризму (на прикладі Перу та Шрі-Ланки) / Д. В. Прошин // Вісник Дніпропетровського університету. — 2015. — N 1. — с. 169-175.
21. Malsin J. The Next War for Iraq [Electronic resource]. — Access mode: <http://time.com/isis-mosul/>
22. Jeffrey J. How to Defeat ISIS [Electronic resource]. — Access mode: <http://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2016-01-04/how-defeat-isis>

23. Engel P. ISIS is increasingly relying on this brutal tactic as it loses territories in the Middle East [Electronic resource]. — Access mode: <http://www.businessinsider.com/isis-suicide-bombings-iraq-2016-5>

Прошин Д.В. Боротьба з «Ісламською державою»: історичний досвід, сценарії та перспективи. — Стаття.

Анотація. У статті проаналізовано питання про перспективи боротьби із т. зв. «Ісламською державою». Із залученням досвіду чисельних громадянських війн та антитерористичних кампаній позначено основні сценарії завершення конфліктів за участі антиурядових збройних формувань. Представлено міркування щодо вірогідності кожного з цих сценаріїв у контексті боротьби з «Ісламською державою».

Ключові слова: антиурядові збройні формування, тероризм, припинення збройних конфліктів, «Ісламська держава».

Proshyn D.V. The struggle against the Islamic State: historical experience, scenarios and prospects. — Article.

Summary. In the article, the question about prospects of the struggle against so called Islamic State is analyzed. On the basis of the experience of numerous civil wars and anti-terrorist campaigns, main scenarios of how conflicts involving anti-government armed entities may end are delineated. Considerations regarding the probability of each of these scenarios in the context of the struggle against the Islamic State are proposed.

Keywords: anti-government armed entities, terrorism, resolution of armed conflicts, Islamic State.